

Джером Сэлинджер

Фрэнни

Сэлинджер Джером Фрэнни

Джером Д.Сэлинджер
Фрэнни

Р. Райт-Ковалева перевод с английского

Несмотря на ослепительное солнце, в субботу утром снова пришлось, по погоде, надевать теплое пальто, а не просто куртку, как все предыдущие дни, когда можно было надеяться, что эта хорошая погода продержится до конца недели и до решающего матча в Йельском университете.

Из двадцати с лишком студентов, ждавших на вокзале своих девушек с поездом 10.52, только человек шесть-семь остались на холодном открытом перроне. Остальные стояли по двое, по трое, без шапок, в прокуренном, жарко натопленном зальце для пассажиров и разговаривали таким безапелляционно-догматическим тоном, словно каждый из них сейчас раз и навсегда разрешал один из тех проклятых вопросов, в которые до сих пор весь внешний, внеакадемический мир веками, нарочно или нечаянно, вносил невероятную путаницу.

Лейн Кутель в непромокаемом плаще, под который он, конечно, подстегнул теплую под-

кладку, стоял на перроне вместе с другими мальчиками, вернее, и с ними и не с ними. Уже минут десять, как он нарочно отошел от них и остановился у киоска с бесплатными брошюрками "христианской науки", глубоко засунув в карманы пальто руки без перчаток. Коричневое шерстяное кашне выбилось из-под воротника, почти не защищая его от ветра. Лейн рассеянно вынул руку из кармана, хотел было поправить кашне, но передумал и вместо этого сунул руку во внутренний карман и вытащил письмо. Он тут же стал его перечитывать, слегка приоткрыв рот.

Письмо было написано, вернее, напечатано на бледно-голубой бумаге. Вид у этого листка был такой измятый, не новый, как будто его уже вынимали из конверта и перечитывали много раз.

"Кажется, четверг.

Милый-милый Лейн!

Не знаю, разберешь ли ты все, потому что шум в общежитии неопишуемый, даже собственных мыслей не слышу. И если будут ошибки, будь добр, пожалуйста, не замечай их. Кстати, по твоему совету, стала часто за-

глядывать в словарь, так что, если пишу дубовым стилем, ты сам виноват. Вообще же я только что получила твое чудесное письмо, и я тебя люблю безумно, страстно и так далее и жду не дождусь субботы. Жаль, конечно, что ты меня не смог устроить в Крофт-Хауз, но в общем мне все равно, где жить, лишь бы тепло, чтобы не было психов и чтобы я могла тебя видеть время от времени, вернее все время. Я совсем того, то есть просто схожу по тебе с ума. Влюбилась в твое письмо. Ты чудно пишешь про Элиота. А мне сейчас что-то все поэты, кроме Сафо, ни к чему. Читаю ее как сумасшедшая - и пожалуйста, без глупых намеков. Может быть, я даже буду делать по ней курсовую, если решу добиваться диплома с отличием и если разрешит кретин, которого мне назначили руководителем. "Хрупкий Адонис гибнет, Китерия, что нам делать? Бейте в грудь себя, девы, рвите одежды с горя!" Правда, и_з_у_м_и_т_е_л_ь_н_о? Она ведь и на самом деле рвет на себе одежду! А ты меня любишь? Ты ни разу этого не сказал в твоём чудовищном письме, ненавижу, когда ты притворяешься таким сверхмужественным

и сдержанным (два "н"?). Вернее, не то что ненавижу, а просто мне органически противопоказаны "сильные и суровые мужчины". Нет, конечно, это ничего, что ты тоже сильный, но я же не о том, сам понимаешь. Так шумят, что не слышу собственных мыслей. Словом, я тебя люблю и, если только найду марку в этом бедламе, пошлю письмо с_r_o_ч_н_о, чтобы ты получил это заранее. Люблю тебя, люблю, люблю. А ты знаешь, что за одиннадцать месяцев мы с тобой танцевали всего два раза? Не считаю тот вечер, когда ты так напился в "Вангарде". Наверно, я буду ужасно стесняться. Кстати, если ты кому-нибудь про это скажешь, я тебя убью! Жду субботы, мой цветик.

Очень тебя люблю. Фрэнни.

P.S. Папе принесли рентген из клиники, и мы обрадовались: опухоль есть, но не злокачественная. Вчера говорила с мамой по телефону. Кстати, она шлет тебе привет, так что можешь успокоиться - я про тот вечер, в пятницу. По-моему, они даже не слышали, как мы вошли в дом.

P.P.S. Пишу тебе ужасно глупо и неинтерес-

но. Почему? Разрешаю тебе проанализировать это. Нет, давай лучше проведем с тобой время как можно веселее. Я хочу сказать - если можно, хоть раз в жизни не надо все, особенно меня, разбирать по косточкам до одурения. Я люблю тебя.

Фрэнни (ее подпись)".

На этот раз Лейн успел перечитать письмо только наполовину, когда его прервал - помещал, влез - коренастый юнец по имени Рэй Соренсен, которому понадобилось узнать, понимает ли Лейн, что пишет этот проклятый Рильке. И Лейн, и Соренсен, оба проходили курс современной европейской литературы - к нему допускались только старшекурсники и выпускники, и к понедельнику им задали разбор четвертой элегии Рильке, из цикла "Дуинезские элегии".

Лейн знал Соренсена мало, ни испытывал хотя и смутное, но вполне определенное отвращение к его физиономии и манере держаться и, спрятав письмо, сказал, что он не уверен, но, кажется, все понял.

- Тебе повезло, - сказал Соренсен, - счастливый ты человек. - Он сказал это таким без-

жизненным голосом, словно подошел к Лейну исключительно от скуки или от нечего делать, а вовсе не для того, чтобы по-человечески поговорить. - Черт, до чего холодно, - сказал он и вынул пачку сигарет из кармана. На отвороте верблюжьего пальто у Соренсена Лейн заметил полустертый, но все же достаточно заметный след губной помады. Казалось, что этому следу уже несколько недель, а может быть, и месяцев, но Лейн слишком мало знал Соренсена и сказать постеснялся, а кстати, ему было наплевать. К тому же подходил поезд. Оба они повернулись к путям. И тут же распахнулись двери в ожидалку, и все, кто там грелся, выбежали встречать поезд, причем казалось, что у каждого в руке, по крайней мере, три сигареты.

Лейн тоже закурил, когда подходил поезд. Потом, как большинство тех людей, которым надо было бы только после долгого испытательного срока выдавать пропуска на встречу поездов, Лейн постарался согнать с лица все, что могло бы просто и даже красиво передать его отношение к приехавшей гостье.

Фрэнни одна из первых вышла из дальне-

го вагона в северном конце платформы. Лейн увидал ее сразу, и, что бы он ни старался сделать со своим лицом, его рука так вскинулась кверху, что сразу все стало ясно. И Фрэнни это поняла и горячо замахала ему в ответ. На ней была шубка из стриженного енота, и Лейн, идя к ней навстречу быстрым шагом, но с невозмутимым лицом, вдруг подумал, что на всем перроне только ему одному п_о_н_а_с_т_о_я_щ_е_м_у знакома шубка Фрэнни. Он вспомнил, как однажды, в чьей-то машине, целуясь с Фрэнни уже с полчаса, он вдруг поцеловал отворот ее шубки, как будто это было вполне естественное, желанное продолжение ее самой.

- Лейн! - Фрэнни поздоровалась с ним очень радостно: она была не из тех, кто скрывает радость.

Закинув руки ему на шею, она поцеловала его. Это был перронный поцелуй - сначала непринужденный, но сразу затормозившийся, словно они просто стукнулись лбами.

- Ты получил мое письмо? - спросила она и тут же сразу добавила: - Да ты совсем замерз, бедняжка! Почему не подождал внутри?

Письмо мое получил?

- Какое письмо? - спросил Лейн, поднимая ее чемодан. Чемодан был синий, обшитый белой кожей, как десяток других чемоданов, только что снятых с поезда.

- Не получил? А я опустила в с_р_е_д_у! Господи! Еще сама отнесла на почту!

- А-а-а, ты о том письме... Да, да. Это все твои вещи? А что за книжка?

Фрэнни взглянула на книжку, она держала ее в левой руке - маленькую книжечку в светло-зеленом переплете.

- Это? Так, ничего... - Открыв сумку, она сунула туда книжечку и пошла за Лейном по длинному перрону к остановке такси. Она взяла его под руку и всю дорогу говорила не умолкая. Сначала про платье - оно лежит в чемодане, и его необходимо погладить. Сказала, что купила чудесный маленький утюжок, совсем игрушечный, но забыла его привезти. В вагоне она встретила только трех знакомых девочек - Марту Фаррар, Типпи Тиббет и Элинор, как ее там, она с ней познакомилась бог знает когда, еще в пансионе, не то в Экзетере, не то где-то еще. А по всем остальным в поез-

де сразу было видно, что они из Смита, только две - абсолютно вассаровского типа, а одна - явно из Лоуренса или Веннингтона. У этой беннингтон-лоуренсовской был такой вид, словно она все время просидела в туалете и занималась там рисованием или скульптурой, в общем чем-то художественным, а может быть, у нее под платьем было балетное трико. Лейн шел слишком быстро и на ходу извинился, что не смог устроить ее в Крофт-Хаузе - это было безнадежно, но он устроил ее в очень хороший, уютный отель. Маленький, но чистый, и все такое. Ей понравится, сказал он, и Фрэнни сразу представила себе белый дощатый барак. Три незнакомые девушки в одной комнате. Кто первый попадет в комнату, тот захватит горбатый диванчик, а двум другим придется спать вместе на широкой кровати с совершенно неопишуемым матрасом.

- Чудно! - сказала она восторженным голосом. До чертиков трудно иногда скрывать раздражение из-за полной неспособленности мужской половины рода человеческого, и особенно это касалось Лейна. Ей вспомнился

дождливый вечер в Нью-Йорке, сразу после театра, когда Лейн, стоя у обочины, с подозрительно преувеличенной вежливостью уступил такси ужасно противному типу в смокинге. Она не особенно рассердилась; конечно, это ужас - быть женщиной и ловить такси в дождь, но она помнила, каким злым, прямо-таки враждебным взглядом Лейн посмотрел на нее, вернувшись на тротуар. И сейчас, чувствуя себя виноватой за эти мысли и за все другое, она с притворной нежностью прижалась к руке Лейна. Они сели в такси. Синий с белым чемодан поставили рядом с водителем.

- Забросим твой чемодан и все лишнее в отель, где ты остановишься, просто швырнем в двери и пойдем позавтракаем, - сказал Лейн. - Умираю, есть хочу! - Он наклонился к водителю и дал ему адрес.

- Как я рада тебя видеть, - сказала Фрэнни, когда такси тронулось. - Я т_а_к соскучилась! - Но не успела она выговорить эти слова, как поняла, что это неправда. И снова, почувствовав вину, она взяла руку Лейна и тесно, тепло переплела его пальцы со своими.

Примерно через час они уже сидели в центре города за сравнительно изолированным столиком в ресторане Сиклера - любимом прибежище студентов, особенно интеллектуальной элиты - того типа студентов, которые, будь они в Йеле или Принстоне, непременно уводили бы своих девушек подальше от Мори или Кронина. У Сиклера, надо отдать ему должное, никогда не подавали бифштексов "вот такой толщины" - указательный и большой пальцы разводятся примерно на дюйм. У Сиклера либо оба - и студент, и его девушка - заказывали салат, либо оба отказывались из-за того, что в подливку клали чеснок. Фрэнни и Лейн пили мартини.

С четверть часа назад, когда им подали коктейль, Лейн отпил глоток, сел поудобнее и оглядел бар с почти осязаемым чувством блаженства оттого, что он был именно там, где надо, и именно с такой девушкой, как надо, безукоризненной с виду и не только необыкновенно хорошенькой, но, к счастью, и не слишком спортивного типа - никакой тебе фланелевой юбки, шерстяного свитера. Фрэнни заметила это мелькнувшее выражение са-

модовольства и правильно его истолковала, не преувеличивая и не преуменьшая. Но по крепко укоренившейся внутренней привычке она сразу почувствовала себя виноватой за то, что увидела, подглядела это выражение и тут же вынесла себе приговор: слушать то, что рассказывал Лейн, с выражением особого, напряженного внимания.

А Лейн говорил как человек, уже минут с пятнадцать овладевший разговором и уверенный, что он попал именно в тот тон, когда все, что он изрекает, звучит абсолютно правильно.

- Грубо говоря, - продолжал он, - про него можно сказать, что ему не хватает нужных желез. Понимаешь, о чем я? - Он выразительно наклонился к своей внимательной слушательнице, Фрэнни, и положил руки на стол, около бокала с коктейлем.

- Не хватает чего? - переспросила Фрэнни. Ей пришлось откашляться, потому что она так долго молчала. Лейн запнулся.

- Мужественности, - сказал он.

- Нет, ты сначала сказал не так.

- Ну, словом, это была, так сказать, основ-

ная мотивировка, и я старался ее подчеркнуть как можно ненавязчивее, - сказал Лейн, совершенно поглощенный собственной речью. - Понимаешь, какая штука. Честно говоря, я был уверен, что это мое сочинение пойдет ко дну, как свинцовое грузило, и, когда мне его вернули и вниз, вот эдакими буквами, футов в шесть вышиной, - "отлично", я чуть не упал, клянусь честью!

Фрэнни снова откашлялась. Очевидно, она уже полностью отбыла наложенное на себя наказание - слушать с неослабевающим интересом.

- Почему? - спросила она.

Лейн слегка удивился, что его перебили.

- Что "почему"?

- Почему ты решил, что оно пойдет ко дну, как свинцовое грузило?

- Да я же тебе объяснил. Я тебе только что рассказал, какой дока этот Брауман по Флоберу. По крайней мере, я так думал.

- А-а-а, - сказала Фрэнни. Она улыбнулась. Она от

пила немного мартини. - Как вкусно, - сказала она, глядя на бокал. Хорошо, что некреп-

кий. Ненавижу, когда джина слишком много. Лейн кивнул.

- Кстати, это треклятое сочинение лежит у меня на столе. Если выкроим минутку, я тебе прочитаю.

- Чудно, с удовольствием послушаю. Лейн снова кивнул.

- Понимаешь, не то чтобы я сделал какое-то потрясающее открытие, вовсе нет. - Он сел поудобнее. - Не знаю, но, по-моему, то, что я подчеркнул, п_о_ч_е_м_у он с такой неврастенической одержимостью ищет le mot juste [1], было правильно. Я хочу сказать - в свете того, что мы теперь знаем. Не только психоанализ и всякая такая штука, но в каком-то отношении и это. Ты меня понимаешь. Я во-все не фрейдист, ничего похожего, но есть вещи, которые нельзя просто окрестить фрейдизмом с большой буквы и выкинуть за борт. Я хочу сказать, что в каком-то отношении я имел полнейшее право написать, что ни один из этих настоящих, ну, первоклассных авторов - Толстой, Достоевский, наконец, Шекспир, черт подери! - никогда не ковырялся в словах до потери сознания. Они просто

п_и_с_а_л_и - и все. Ты меня понимаешь? - И Лейн выжидающе взглянул на Фрэнни. Ему казалось, что она слушает его с особенным вниманием.

- Будешь есть оливку или нет?

Лейн мельком взглянул на свой бокал мартини, потом на Фрэнни.

- Нет, - холодно сказал он. - Хочешь съесть?

- Если ты не будешь, - сказала Фрэнни. По выражению лица Лейна она поняла, что спросила невпопад. И что еще хуже, ей совершенно не хотелось есть оливку, и она сама удивилась - зачем она ее попросила. Но делать было нечего: Лейн протянул бокал, и пришлось выловить оливку и съесть ее с показным удовольствием. Потом она взяла сигарету из пачки Лейна, он дал ей прикурить и закурил сам.

После эпизода с оливкой за их столиком наступило молчание. Но Лейн нарушил его - не такой он был человек, чтобы лишать себя возможности первым подать реплику после паузы.

- Знаешь, этот самый Брауман считает, что я должен был бы напечатать свое сочиненьишко, - сказал он отрывисто. - А я и сам не

знаю.

И, как будто безумно устав, вернее, обесси-
лев от требования, которые ему предъявляет
жадный мир, жаждущий вкусить от плодов
его интеллекта, Лейн стал поглаживать щеку
ладонью, с неумышленной бестактностью
протирая сонный глаз.

- Ты понимаешь, таких эссе про Флобера и
всю эту компанию написана чертова уйма. -
Он подумал, помрачнел. - И все-таки, по-мое-
му, ни одной по-настоящему глубокой работы
о нем за последнее время...

- Ты разговариваешь совсем как ассистент
профессора. Ну точь-в-точь...

- Прости, не понял? - сказал Лейн разме-
ренным голосом.

- Ты разговариваешь точь-в-точь, как асси-
стент профессора. Извини, но так похоже.
Ужасно похоже.

- Да? А как именно разговаривает асси-
стент профессора, разреши узнать?

Фрэнни поняла, что он обиделся, и очень! -
но сейчас, разозлившись наполовину на него,
наполовину на себя, она никак не могла удержаться:

- Не знаю, какие они тут, у вас, но у нас ассистенты - это те, кто замещает профессора, когда тот в отъезде, или возится со своими нервами, или ушел к зубному врачу, да мало ли что. Обыкновенно их набирают из старшекурсников или еще откуда-нибудь. Ну, словом, идут занятия, например, по русской литературе. И приходит такой чудик, все на нем аккуратно, рубашечка, галстучек в полоску, и начинает с полчасика терзать Тургенева. А потом, когда тебе Тургенев из-за него совсем опротивел, он начинает распространяться про Стендаля или еще про кого-нибудь, о ком он писал диплом. По нашему университету их бегают человек десять, портят все, за что берутся, и все они до того талантливые, что рта открыть не могут - прости за противоречие. Я хочу сказать, если начнешь им возражать, они только глянут на тебя с таким снисхождением, что...

- Слушай, в тебя сегодня прямо какой-то бес вселился! Да что это с тобой, черт возьми?

Фрэнни быстро стряхнула пепел с сигаретки, потом пододвинула к себе пепельницу.

- Прости. Я сегодня плохая, - сказала она. - Я

всю неделю готова была все изничтожить. Это ужасно. Я просто гадкая.

- По твоему письму этого никак не скажешь...

Фрэнни серьезно кивнула. Она смотрела на маленького солнечного зайчика величиной с покерную фишку, игравшего на скатерти.

- Я писала с большим напряжением, - сказала она.

Лейн что-то хотел сказать, но тут подошел официант, чтобы убрать пустые бокалы. - Хочешь еще выпить? - спросил Лейн у Фрэнни.

Ответа не было. Фрэнни смотрела на солнечное пятнышко с таким упорством, будто собиралась лечь на него.

- Фрэнни, - сказал Лейн терпеливым голосом, ради официанта. - Ты хочешь мартини или что-нибудь еще? Она подняла глаза.

- Извини, пожалуйста. - Она взглянула на пустые бокалы в руках официанта. - Нет. Да. Не знаю.

Лейн засмеялся, тоже специально для официанта.

- Ну, так как же? - спросил он.

- Да, пожалуйста. - Она немного оживилась.

Официант ушел. Лейн посмотрел ему вслед, потом взглянул на Фрэнни. Чуть приоткрыв губы, она медленно стряхивала пепел с сигареты в чистую пепельницу, которую поставил официант. Лейн посмотрел на нее с растущим раздражением. Очевидно, его и обижали, и пугали проявления отчужденности в девушке, к которой он относился всерьез. Во всяком случае, его, безусловно, беспокоило то, что блажь, напавшая на Фрэнни, может изгадить им весь конец недели. Он вдруг наклонился к ней, положив руки на стол, - надо же, черт побери, наладить отношения, - но Фрэнни заговорила первая.

- Я сегодня никуда не пожусь, - сказала она, - совсем скисла.

Она посмотрела на Лейна, как на чужого, вернее, как на рекламу линолеума в вагоне метро. И опять ее укололо чувство вины, предательства очевидно, сегодня это было в порядке вещей, и, потянувшись через стол, она накрыла ладонью руку Лейна. Но, тут же отняв руку, она взялась за сигарету, лежавшую

в пепельнице.

- Сейчас пройдет, - сказала она, - обещаю.

Она улыбнулась Лейну, пожалуй вполне искренне, и в эту минуту ответная улыбка могла бы хоть немного смягчить все, что затем произошло. Но Лейн постарался напустить на себя особое равнодушие и улыбкой ее не удостоил. Фрэнни затянулась сигареткой.

- Если бы раньше сообразить, - сказала она, - и если бы я, как дура, не влипла в этот дополнительный курс, я б вообще бросила английскую литературу. Сама не знаю. - Она стряхнула пепел, - Мне до визгу надоели эти педанты, эти воображалы, которые все изничтожают... - Она взглянула на Лейна. - Прости. Больше не буду. Честное слово... Просто, не будь я такой трусихой, я бы вообще в этом году не вернулась в колледж. Сама не знаю. Понимаешь, все это жуткая комедия.

- Блестящая мысль. Прямо блеск. Фрэнни приняла сарказм как должное.

- Прости, - сказала она.

- Может, перестанешь без конца извиняться? Вероятно, тебе не приходит в голову, что

ты делаешь совершенно дурацкие обобщения. Если бы все преподаватели английской литературы так все изничтожали, было бы совсем другое...

Но Фрэнни перебила его еле слышным голосом. Она смотрела поверх его серого фланелевого плеча незрячим далеким взглядом.

- Что? - переспросил Лейн.

- Я сказала - знаю. Ты прав. Я просто не в себе. Не обращай на меня внимания.

Но Лейн никак не мог допустить, чтобы спор окончился не в его пользу.

- Фу ты, черт, - сказал он, - в любой профессии есть мазилы. Это же элементарно. И давай забудем про этих идиотов-ассистентов хоть на минуту. Он посмотрел на Фрэнни. - Ты меня слушаешь или нет?

- Слушаю.

- У вас там, на курсе, два лучших в стране преподавателя, черт возьми. Мэнлиус. Эспозито. Бог мой, да если бы их сюда, к нам. По крайней мере, они-то хоть поэты, и поэты без дураков.

- Вовсе нет, - сказала Фрэнни. - Это-то самое ужасное. Я хочу сказать вовсе они не поэты.

Просто люди, которые пишут стишки, а их печатают, но никакие они не п_о_э_т_ы. - Она растерянно замолчала и погасила сигарету. Стало заметно, что она все больше и больше бледнеет. Вдруг даже помада на губах стала светлее, словно она промакнула ее бумажной салфеткой. - Давай об этом не будем, - сказала она почти беззвучно, растирая сигарету в пепельнице. - Я совсем не в себе. Испорчу тебе весь праздник. А вдруг под моим стулом люк и я исчезну?

Официант подошел быстрым шагом и поставил второй коктейль перед каждым. Лейн сплел пальцы, очень длинные, тонкие - и это было очень заметно, вокруг ножки бокала.

- Ничего ты не испортишь, - сказал он спокойно. - Мне просто интересно узнать, что ты понимаешь под всей этой чертовщиной. Разве нужно непременно быть какой-то б_о_г_е_м_о_й или помереть к чертям собачьим, чтобы считаться н_а_с_т_о_я_щ_и_м п_о_э_т_о_м? Тебе кто нужен - какой-нибудь шизик с длинными кудрями?

- Нет. Только давай не будем об этом. Прощу тебя. Я так гнусно себя чувствую, и меня

просто...

- Буду счастлив бросить эту тему, буду просто в восторге. Только ты мне раньше скажи, если не возражаешь, что же это за штука - настоящий поэт? Буду тебе очень благодарен, ей-богу, очень!

На лбу у Фрэнни выступила легкая испарина, может быть, оттого, что в комнате было слишком жарко, или она съела что-то не то, или коктейль оказался слишком крепким. Во всяком случае, Лейн как будто ничего не заметил.

- Я сама не знаю, что такое н_а_с_т_о_я_щ_и_й п_о_э_т. Пожалуйста, перестань, Лейн. Я серьезно. Мне ужасно не по себе, как-то нехорошо, и я не могу...

- Ладно, ладно, успокойся, - сказал Лейн. - Я только хотел...

- Одно я только знаю, - сказала Фрэнни. - Если ты поэт, ты создаешь красоту. Понимаешь, поэт должен оставить в нас что-то прекрасное, какой-то след на странице. А те, про кого ты говоришь, ни одной-единственной строчки, никакой к_р_а_с_о_т_ы в тебе не оставляют. Может быть, те, что чуть лучше,

как-то проникают, что ли, в твою голову и что-то от них остается, но, все равно, хоть они и проникают, хоть от них что-то и остается, это вовсе не значит, что они пишут н_а_с_т_о_я_щ_и_е с_т_и_х_и, господи боже мой! Может быть, это просто какие-то очень увлекательные синтаксические фокусы, испражнения какие-то - прости за выражение. И этот Мэнлиус, и Эспозито, все они такие.

Лейн повременил и затянулся сигаретой, прежде чем ответить.

- А я-то думал, что тебе нравится Мэнлиус. Кстати, с месяц назад, если память мне не изменяет, ты говорила, что он п_р_е_л_е_с_т_ь и что тебе...

- Да нет же, он очень приятный. Но мне надоели люди просто приятные. Господи, хоть бы встретить человека, которого можно у_в_а_ж_а_т_ь... Прости, я на минутку. - Фрэнни вдруг встала, взяла сумочку. Она страшно побледнела.

Лейн тоже встал, отодвинув стул.

- Что с тобой? - спросил он. - Ты плохо себя чувствуешь? Что случилось?

- Я сейчас вернусь.

Она вышла из зала, никого не спрашивая, как будто завтракала тут не раз и отлично все знает.

Лейн, оставшись в одиночестве, курил и понемножку отпивал martini, чтобы осталось до возвращения Фрэнни. Ясно было одно: то чувство удовлетворения, которое он испытывал полчаса назад, оттого что завтракал там, где полагается, с такой девушкой, как надо - во всяком случае, с виду все было как надо, - это чувство теперь испарилось начисто. Он взглянул на шубку стриженного меха, косо висевшую на спинке стула Фрэнни, - на шубку, которая так взволновала его на вокзале чем-то удивительно знакомым, - и в его взгляде мелькнуло что-то, определенно похожее на неприязнь. Почему-то его особенно раздражала измятая шелковая подкладка. Он отвел глаза от шубки и уставился на бокал с коктейлем, хмурясь, словно его несправедливо обидели. Ясно было только одно: вечер начинался довольно странно - чертовщина какая-то... Но тут он случайно поднял глаза и увидел вдали своего однокурсника с девушкой. Лейн сразу выпрямился и старательно переделал

выражение лица - с обиженного и недовольного на обыкновенное выражение, с каким человек ждет свою девушку, которая, по обычаю всех девиц, ушла на минуту в туалет, и ему теперь только и осталось, что курить со скучающим видом да еще выглядеть при этом как можно привлекательнее.

Дамская комната у Сиклера была почти такая же по величине, как и сам ресторан, и в каком-то отношении почти такая же уютная. Никто ее не обслуживал, и, когда Фрэнни вошла, там больше никого не было. Она постояла на кафельном полу, словно кому-то назначила тут свидание. Бисерные капельки пота выступили у нее на лбу, рот чуть приоткрылся, и она побледнела еще больше, чем там, в ресторане.

И вдруг, сорвавшись с места, она забежала в самую дальнюю, самую неприметную кабинку - к счастью, не надо было бросать монетку в автомат, захлопнула дверь и с трудом повернула ручку. Не замечая, по-видимому, своеобразие окружающей обстановки, она сразу села, вплотную сдвинув колени, как будто ей хотелось сжаться в комок, стать еще

меньше. И, подняв руки кверху, она крепко-накрепко прижала подушечки ладоней к глазам, словно пытаясь парализовать зрительный нерв, погрузить все образы в черную пустоту. Хотя ее пальцы дрожали, а может быть, именно от этой дрожи они казались особенно тонкими и красивыми. На миг она застыла напряженно в этой почти утробной позе - и вдруг разрыдалась. Она плакала целых пять минут. Плакала громко и неудержимо, судорожно всхлипывая, - так ребенок заходится в слезах, когда дыхание никак не может прорваться сквозь зажатое горло. Но вдруг она перестала плакать - остановилась сразу, без тех болезненных, режущих, как нож, выдохов и вдохов, какими всегда кончается такой приступ. Казалось, она остановилась оттого, что у нее в мозгу что-то моментально переключилось, и это переключение сразу успокоило все ее существо. С каким-то отсутствующим выражением на залитом слезами лице она подняла с пола свою сумку и, открыв ее, вытащила оттуда книжечку в светло-зеленом матерчатом переплете. Она положила ее на колени, вернее, на одно колено и

установилась на нее не мигая, словно только тут, именно тут, на ее колене, и должна была лежать маленькая книжка в светло-зеленом матерчатом переплете. Потом она схватила книжку, подняла ее и прижала к себе решительно и быстро. И, спрятав ее в сумку, встала и вышла из кабинки. Вымыв лицо холодной водой, она взяла с полки чистое полотенце, вытерла лицо, подкрасила губы, причесалась и вышла из дамской комнаты.

Она была прелестна, когда шла по залу ресторана к своему столику, очень оживленная, как и полагалось, в предвкушении веселого университетского праздника. Улыбаясь на ходу, она подошла к своему месту, и Лейн медленно встал, не выпуская салфетку из рук.

- Ты уж прости, пожалуйста, - сказала Фрэнни. - Наверно, решил, что я умерла?

- Как это я мог подумать? У_м_е_р_л_а... - сказал Лейн. Он отодвинул для нее стул. - Просто не понял, что случилось, - Он вернулся на место. Кстати, времени у нас в обрез. - Он сел. - Ты в порядке? Почему глаза красные? - Он присмотрелся поближе: - Нездоровится, что ли?

Фрэнни закурила.

- Нет, сейчас все чудесно. Но меня никогда в жизни так не шатало. Ты заказал завтрак?

- Тебя ждал, - сказал Лейн, не сводя с нее глаз. - Все-таки что с тобой было? Животик?

- Нет. То есть и да и нет. Сама не знаю, - Она взглянула на меню у себя на тарелке и прочла, не беря листок в руки. - Мне только сэндвич с цыпленком и стакан молока... А себе заказывай что хочешь. Ну, всяких там улиток и осьминожек. Прости, осьминогов. А я совсем не голодна.

Лейн посмотрел на нее, потом выпустил себе в тарелку очень тоненькую и весьма выразительную струйку дыма.

- Ну и праздничек у нас, просто прелесть! - сказал он. - Сэндвич с цыпленком, мать бо-жья!

- Прости, Лейн, но я совсем не голодна, - с досадой сказала Фрэнни. Ах, боже мой... Ты закажи себе, что хочешь, непременно, и я с тобой немножко поем. Но не могу же я ради тебя вдруг развить бешеный аппетит.

- Ладно, ладно! - И Лейн, вытянув шею, кивнул официанту. Он тут же заказал санд-

вич и стакан молока для Фрэнни, а для себя улиток, лягушачьи ножки и салат. Когда официант отошел, Лейн взглянул на часы: - Нам надо попасть в Тенбридж в час пятнадцать, в крайнем - в половине второго. Не позже. Я сказал Уолли, что мы зайдем что-нибудь выпить, а потом все вместе отправимся на стадион в его машине. Согласна? Тебе ведь нравится Уолли?

- Понятия не имею, кто он такой.

- Фу, черт, да ты его видела раз двадцать. Уолли Кэмбл, ну? Да ты его сто раз видела...

- А-а, вспомнила. Ради бога, не злись ты, если я сразу не могу кого-то вспомнить. Ведь они же и с виду все одинаковые, и одеваются одинаково, и разговаривают, и делают все одинаково.

Фрэнни оборвала себя: собственный голос показался ей придиричивым и ехидным, и на нее накатила такая ненависть к себе, что ее опять буквально вогнало в пот. Но помимо воли ее голос продолжал:

- Я вовсе не говорю, что он противный и вообще... Но четыре года подряд, куда ни пойдешь, везде эти уолли кэмблы. И я заранее

знаю - сейчас они начнут меня очаровывать, заранее знаю - сейчас начнут рассказывать самые подлые сплетни про мою соседку по общежитию. Знаю, когда спросят, что я делала летом, когда возьмут стул, сядут на него верхом, лицом к спинке, и начнут хвастать таким ужасно, ужасно равнодушным голосом или называть знаменитостей - тоже так спокойно, так небрежно. У них неписанный закон: если принадлежишь к определенному кругу - по богатству или рождению, - значит, можешь сколько угодно хвастать знакомством со знаменитостями, лишь бы ты при этом непременно говорил про них какие-нибудь гадости - что он сволочь, или эротоман, или всегда под наркотиками, - словом, что-нибудь м_e_r_з_к_о_e. Она опять замолчала. Повертев в руках пепельницу и стараясь не смотреть в лицо Лейну, она вдруг сказала:

- Прости меня. Уолли Кэмбл тут ни при чем. Я напала на него, потому что ты о нем говорил. И потому что по нему сразу видно, что он проводит лето где-нибудь в Италии или вроде того.

- Кстати, для твоего сведения, он лето про-

вел во Франции, - сказал Лейн. - Нет, нет, я тебя понимаю, - торопливо добавил он, - но ты дьявольски несправедли...

- Пусть, - устало сказала Фрэнни, - пусть во Франции. - Она взяла сигарету из пачки на столе. - Дело тут не в Уолли. Господи, да взять любую девочку. Понимаешь, если б он был девчонкой, из моего общежития например, то он все лето писал бы пейзажики с какой-нибудь бродячей компанией. Или объезжал на велосипеде Уэльс. Или снял бы квартиру в Нью-Йорке и работал на журнал или на рекламное бюро. Понимаешь, все они такие. И все, что они делают, все это до того - не знаю, как сказать - не то чтобы н_е_п_р_а_в_и_л_ь_н_о, или даже скверно, или глупо - вовсе нет. Но все до того м_е_л_к_о, бессмысленно и так уныло. А хуже всего то, что, если стать богемой или еще чем-нибудь вроде этого, все равно это будет конформизм, только шиворот-навыворот. - Она замолчала. И вдруг потрянула головой, опять побледнела, на секунду приложила ладонь ко лбу - не для того, чтобы стереть пот со лба, а словно для того, чтобы пощупать, нет ли у нее жара, как

делают все мамы маленьким детям.

- Странное чувство, - сказала она, - кажется, что схожу с ума. А может быть, я уже свихнулась.

Лейн смотрел на нее по-настоящему встревоженно - не с любопытством, а именно с тревогой.

- Да ты бледная как полотно, - сказал он. - До того побледнела... Слышишь?

Фрэнни тряхнула головой:

- Пустяки, я прекрасно себя чувствую. Сейчас пройдет. - Она взглянула на официанта - тот принес заказ. - Ух, какие красивые улитки! - Она поднесла сигарету к губам, но сигарета потухла. - Куда ты девал спички? - спросила она.

Когда официант отошел, Лейн дал ей прикурить.

- Слишком много куришь, - заметил он. Он взял маленькую вилочку, положенную у тарелки с улитками, но, прежде чем начать есть, взглянул на Фрэнни. - Ты меня беспокоишь. Нет, я серьезно. Что с тобой стряслось за последние недели?

Фрэнни посмотрела на него и, тряхнув го-

ловой, пожала плечами.

- Ничего. Абсолютно ничего. Ты ешь. Ешь своих улит. Если остынут, их в рот не возьмешь.

- И ты поешь.

Фрэнни кивнула и посмотрела на свой сэндвич. К горлу волной подкатила тошнота, и она, отвернувшись, крепко затянулась сигаретой.

- Как ваша пьеса? - спросил Лейн, расправляясь с улитками.

- Не знаю. Я не играю. Бросила.

- Бросила? - Лейн посмотрел на нее. - Я думал, ты в восторге от своей роли. Что случилось? Отдали кому-нибудь твою роль?

- Нет, не отдали. Осталась за мной. Это-то и противно. Ах, все противно.

- Так в чем же дело? Уж не бросила ли ты театральный факультет?

Фрэнни кивнула и отпила немного молока.

Лейн прожевал кусок, проглотил его, потом сказал:

- Но почему же, что за чертовщина? Я думал, ты в этот треклятый театр влюблена, как не знаю что... Я от тебя больше ни о чем и не

слыхал весь этот...

- Бросила - и все, - сказала Фрэнни. - Вдруг стало ужасно неловко. Чувствую, что становлюсь противной, самовлюбленной, какой-то пуп земли. Она задумалась. - Сама не знаю. Показалось, что это ужасно дурной вкус играть на сцене. Я хочу сказать, какой-то эгоцентризм. Ох, до чего я себя ненавидела после спектакля, за кулисами. И все эти эгоцентрички бегают вокруг тебя, и уж до того они сами себе кажутся душевными, до того теплыми. Всех целуют, на них самих живого места нет от грима, а когда кто-нибудь из друзей зайдет к тебе за кулисы, уж они стараются быть до того естественными, до того приветливыми, ужас! Я просто себя возненавидела... А хуже всего, что мне как-то стыдно было играть во всех этих пьесах. Особенно на летних гастролях. - Она взглянула на Лейна. - Нет, роли мне давали самые лучшие, так что нечего на меня смотреть такими глазами. Не в том дело. Просто мне было бы стыдно, если бы кто-нибудь, ну, например, кто-то, кого я уважаю, например мои братья, вдруг услышали бы, как я говорю некоторые фразы из роли. Я даже ино-

гда писала некоторым людям, просила их не приезжать на спектакли. - Она опять задумалась. - Кроме Пэгин в "Повесе", я ее летом играла. Понимаешь, было бы очень неплохо, если б не этот сапог - он играл Повесу - испортил все на свете. Такую лирику развел - о господи, до чего он все рассусолил!

Лейн доел своих улиток. Он сидел, нарочно-согнав всякое выражение с лица.

- Однако рецензии о нем писали потрясающие, - сказал он. - Ты же сама мне их послала, если помнишь. Фрэнни вздохнула:

- Ну, послала. Перестань, Лейн.

- Нет, я только хочу сказать, ты тут полчаса разглагольствуешь, будто ты одна на свете все понимаешь как черт, все можешь критиковать. Я только хочу сказать, если самые знаменитые критики считали, что он играл потрясающе, так, может, это верно, может быть, ты ошибаешься? Ты об этом подумала? Знаешь, ты еще не совсем доросла...

- Да, он играл потрясающе для человека просто т_а_л_а_н_т_л_и_в_о_г_о. А для этой роли нужен г_е_н_и_й. Да, гений - и все, тут ничего не поделаешь, - сказала Фрэнни. Она

вдруг выгнула спину и, приоткрыв губы, приложила ладонь к макушке. - Странно, я как пьяная, - сказала она. - Не понимаю, что со мной.

- По-твоему, ты гений? Фрэнни сняла руку с головы.

- Ну, Лейн. Не надо. Прошу тебя. Не надо так со мной.

- Ничего я не...

- Одно я знаю: я схожу с ума, - сказала Фрэнни. - Надоело мне это вечное "я, я, я". И свое "я", и чужое. Надоело мне, что все чего-то добиваются, что-то хотят сделать выдающееся, стать кем-то интересным. Противно - да, да, противно! И все равно, что там говорят...

Лейн высоко поднял брови и откинулся на спинку стула, чтобы лучше дошли его слова.

- А ты не думаешь, что ты просто боишься соперничества? - спросил он нарочито спокойно. - Я в таких делах плохо разбираюсь, но уверен, что хороший психоаналитик- понимаешь, действительно знающий, - наверно, истолковал бы твои слова...

- Никакого соперничества я не боюсь. Наоборот. Неужели ты не понимаешь? Я боюсь,

что я с а м а начну соперничать, - вот что меня пугает. Из-за этого я и ушла с театрального факультета. И тут никаких оправданий быть не может ни в том, что я по своему характеру до ужаса интересуюсь чужими оценками, ни в том, что люблю аплодисменты, люблю, чтобы мной восхищались. Мне за себя стыдно. Мне все надоело. Надоело, что у меня не хватает мужества стать просто никем. Я сама себе надоела, мне все надоели, кто пытается сделать большой бум.

Она остановилась и вдруг взяла стакан молока и поднесла к губам.

- Так я и 'знала, - сказала она, ставя стакан на место. - Этого еще не было. У меня что-то с зубами. Так и стучат. Позавчера я чуть не прокусила стакан. Может, я уже сошла с ума и сама не понимаю.

Подошел официант с лягушачьими ножками и салатом для Лейна, и Фрэнни подняла на него глаза. А он взглянул на ее тарелку, на нетронутый сэндвич с цыпленком. Он спросил, не хочет ли барышня заказать что-нибудь другое. Фрэнни поблагодарила его, нет, не надо.

- Я просто очень медленно ем, - сказала она. Официант, человек пожилой, посмотрел на ее бледное лицо, на мокрый лоб, поклонился и отошел.

- Хочешь, возьми платок? - отрывисто сказал Лейн. Он протягивал ей белый сложенный платок. Голос у него был добрый, жалостливый, несмотря на упрямую попытку заставить себя говорить равнодушно.

- Зачем? Разве надо?

- Ты вспотела. То есть не вспотела, но лоб у тебя в испарине.

- Да? Какой ужас! Извини, пожалуйста! - Фрэнни подняла сумочку и стала в ней рыться. - Где-то у меня был "клинекс".

- Да возьми ты мой платок, бога ради. Какая разница, господи боже ты мой!

- Нет, такой чудный платок, зачем я его буду портить, - сказала Фрэнни. Сумочка была битком набита. Чтобы разобраться, она стала выкладывать на стол всякую всячину рядом с нетронутым сэндвичем, - Ага, вот оно! - Она открыла пудреницу с зеркальцем и быстрым легким движением промакнула лоб бумажной салфеточкой. - Бог мой, я похожа на при-

видение. Как ты терпишь меня?

- Это что за книга? - спросил Лейн. Фрэнни буквально вздрогнула. Она посмотрела на кучку вещей, выложенную из сумки на скатерть.

- Какая книга? - сказала она. - Ты про эту? - Она взяла книжечку в светло-зеленом переплете и сунула в сумку. - Просто захватила почитать в вагоне.

- Ну-ка дай взглянуть. Что за книжка? Фрэнни как будто ничего не слышала. Она открыла пудреницу и еще раз взглянула в зеркало.

- Господи! - сказала она. Потом собрала все со стола: пудреницу, кошелек, квитанцию из прачечной, зубную щетку, коробочку аспирина и золоченую мешалку для

пунша. Все это она спрятала в сумочку. - Сама не знаю, зачем я таскаю с собой эту золоченую идиотскую штуку, - сказала она. - Мне ее подарил в день рождения один мальчишка, ужасный пошляк, я еще была на первом курсе. Решил, что это красивый и оригинальный подарок, смотрел на меня во все глаза, пока я разворачивала пакетик. Все хочу вы-

бросить ее и никак не могу. Наверно, так и умру с этой дрянью. - Она подумала. - Он все хихикал мне в лицо и говорил, что мне всегда будет везти, если я не расстанусь с этой штукой.

Лейн уже взялся за одну из лягушачьих ножек.

- А все-таки что это за книжка? - спросил он. - Или это тайна, какая-нибудь чертовщина? - спросил он.

- Ты про книжку в сумке? - сказала Фрэнни. Она смотрела, как он разрезает лягушачью ножку. Потом вынула сигарету из пачки, закурила. - Как тебе сказать, - проговорила она. - Называется "Путь странника". - Она опять посмотрела, как Лейн ест лягушку. - Взяла в библиотеке. Наш преподаватель истории религии, я у него прохожу курс в этом семестре, нам про нее сказал. - Она крепко затаилась. - Она у меня уже давно. Все забываю отдать.

- А кто написал?

- Не знаю, - небрежно бросила Фрэнни. - Очевидно, какой-то русский крестьянин. - Она все еще внимательно смотрела, как Лейн ест. - Он себя не назвал. Он ни разу за весь

рассказ не сказал, как его зовут. Только говорит, что он крестьянин, что ему тридцать три года и что он сухорукий. И что жена у него умерла. Все это было в тысяча восемьсот каких-то годах.

Лейн уже занялся салатом.

- И что же, книжка хорошая? О чем она?

- Сама не знаю. Она необычная. Понимаешь, это ведь прежде всего книжка религиозная. Даже можно было бы сказать - книжка фанатика, только это к ней как-то не подходит. Понимаешь, она начинается с того, что этот крестьянин, этот странник, хочет понять, что это значит, когда в Евангелии сказано, что надо молиться неустанно. Ну, ты знаешь - не переставая. В Послании к Фессалоникийцам или еще где-то. И вот он начинает странствовать по всей России, ищет кого-нибудь, кто ему объяснит - как это "молиться неустанно". И что при этом говорить. - Фрэнни снова посмотрела, как Лейн справляется с лягушачьей ножкой. Она заговорила, не сводя глаз с его тарелки. - А с собой у него только торба с хлебом и солью. И тут он встречает человека - он называет его "старец" - это та-

кие очень-очень просвещенные в религии люди, и старец ему рассказывает про такую книгу - называется "Филокалия". И как будто эту книгу написали очень-очень образованные монахи, которые как-то распространяли этот невероятный способ молиться!

- Не прыгай! - сказал Лейн лягушачьей ножке.

- Словом, этот странник научается молиться, как требуют эти таинственные монахи, - понимаешь, он молится и достигает в своей молитве совершенства, и всякое такое. А потом он странствует по России и встречает всяких замечательных людей и учит их, как молиться этим невероятным способом. Ну вот, понимаешь, вся книжка об этом.

- Не хочется говорить, но от меня будет нести чесноком, - сказал Лейн.

- А во время своих странствий он встречает ту пару - мужа с женой, и я их люблю больше всех людей на свете, никогда в жизни я еще про таких не читала, - сказала Фрэнни. - Он шел по дороге, где-то мимо деревни, с мешком за плечами и вдруг видит - за ним бегут двое малюсеньких ребятишек и кричат:

"Нищий странничек, нищий странничек, пойдём к нашей маме, пойдём к нам домой! Она нищих любит!" И вот он идёт домой к этим ребяташкам, и эта чудная женщина, их мать, выходит из дома, хлопочет, усаживает его, непременно хочет сама снять с него грязные сапоги, поит его чаем. А тут и отец приходит, и он, видно, тоже любит нищих и странников, и все садятся обедать. А странник спрашивает, кто эти женщины, которые сидят с ними за столом, и отец говорит - это наши работницы, но они всегда едят с нами, потому что они наши сестры во Христе. - Фрэнни вдруг смутилась, села прямее. - Понимаешь, мне так понравилось, что странник спросил, кто эти женщины. - Она посмотрела, как Лейн мажет хлеб маслом. - Словом, после обеда странник остается ночевать, и они с хозяином дома допоздна обсуждают, как надо молиться не переставая. И странник ему все объясняет. А утром он уходит и опять идёт странствовать. И встречает разных-разных людей - понимаешь, книга про это и написана, - и он им объясняет, как надо по-настоящему молиться.

Лейн кивнул головой, ткнул вилкой в салат.

- Хоть бы у нас в эти дни время осталось, чтобы ты заглянула в мое треклятое сочинение, я тебе уже говорил про него, - сказал он. - Сам не знаю. Может, я с ним ни черта и не сделаю - там напечатать его и вообще, но хочется, чтобы ты хоть просмотрела, пока ты тут.

- С удовольствием, - сказала Фрэнни. Она смотрела, как он намазывает второй ломтик хлеба. - Может, тебе эта книжка и понравилась бы, - вдруг сказала она. - Она такая простая, понимаешь?

- Наверно, интересно. Ты масла есть не будешь?

- Нет, нет, бери все. Я не могу тебе дать ее, потому что все сроки давным-давно прошли, но ты можешь достать ее тут, в библиотеке. Уверена, что сможешь.

- Слушай, да ты ни черта не ела, даже не дотронулась! - сказал Лейн. Ты это знаешь?

Фрэнни посмотрела на свою тарелку, как будто ее только что поставили перед ней.

- Сейчас, погоди, - сказала она. Она замол-

чала, держа сигарету в левой руке, но не затягиваясь и крепко обхватив правой рукой стакан с молоком. Хочешь послушать, какой особой молитве старец научил этого странника? спросила она. - Нет, правда, это очень интересно, очень.

Лейн разрезал последнюю лягушачью ножку. Он кивнул.

- Конечно, - сказал он, - конечно.

- Ну, вот, как я уже говорила, этот странник, совсем простой мужик, пошел странствовать, чтобы узнать, что значат евангельские слова про неустанную молитву. И тут он встречается этого старца, это такой очень-очень ученый человек, богослов, помнишь, я про него уже говорила, тот самый, который изучал "Филокалию" много-много лет подряд. - Фрэнни вдруг замолчала, чтобы собраться с мыслями, сосредоточиться. - И тут этот старец первым делом рассказал ему про молитву Христову: "Господи Иисусе Христе, помилуй меня!" Понимаешь, такая молитва. И старец объясняет страннику, что лучше этих слов для молитвы не найти. Особенно слово "помилуй", потому что это такое огромное слово

и так много значит. Понимаешь, оно значит не только "помилование".

Фрэнни снова остановилась, подумала. Она уже смотрела не в тарелку Лейна, а куда-то через его плечо.

- Словом, старец говорит страннику, - продолжала она, - что если станешь повторять молитву снова и снова - сначала хотя бы одними губами, то в конце концов само собой выходит, что молитва сама начинает действовать. Что-то потом случается. Сама не знаю что, но что-то случается, и слова попадают в такт твоему сердцебиению, и ты уже молишься непрерывно. И это как-то мистически влияет на все твои мысли, мировоззрение. Понимаешь, вся суть более или менее именно в э_т_о_м. Ты молишься

и мысли очищаются, и ты совершенно по-новому воспринимаешь и понимаешь все на свете.

Лейн доел свой завтрак. И когда Фрэнни замолчала, он сел поудобнее, закурил сигарету и посмотрел на ее лицо. Она все еще рассеянно глядела в никуда, через его плечо, как будто совсем забыв о нем.

- Но главное, самое главное чудо в том, что с самого начала тебе даже не надо в_е_р_и_т_ь в то, что ты делаешь. Понимаешь, даже если тебе ужасно неловко, все это не имеет ровно никакого значения. Ты никого не обижаешь, и вообще все в порядке. Другими словами, с самого начала никто тебя и не заставляет ни во что верить. И старец учит, что тебе даже не надо думать о том, что ты твердишь. Сначала весь смысл в к_о_л_и_ч_е_с_т_в_е повторений. А позже оно само переходит в качество. Собственной силой, так сказать. Он, старец, говорит, что любое имя господне - понимаешь, любое - таит в себе эту удивительную, самодействующую силу и само начинает действовать, когда ты его... ну, вот так повторяешь, что ли.

Лейн как-то развалился в кресле, покуривая и щуря глаза, и пристально всматривался в лицо Фрэнни. Она была очень бледна, но, с тех пор как они пришли, бывали минуты, когда она становилась еще бледнее.

- Кстати, все это абсолютно осмысленно, - сказала Фрэнни, - потому что буддисты из секты Нембутсу без конца повторяют "Наму Ами-

да Бутсу", что значит "Хвала Будде Амитабхе" [2] или что-то вроде того, - и происходит т_о ж_е с_а_м_о_е. Точно такая же...

- Погоди. Погоди-ка, - сказал Лейн. - Во-первых, ты сию секунду обожжешь пальцы.

Фрэнни едва взглянула на левую руку и бросила дотлевающий окурок в пепельницу.

- И то же самое происходит в "Облаке неведения". Со словом "Бог", понимаешь, надо только повторять слово "Бог". - Она посмотрела прямо в глаза Лейну - как не смотрела уже довольно давно. - И главное, разве ты когда-нибудь в жизни слышал такие потрясающие вещи? Пойми, ведь нельзя сказать: "Это просто совпадение" - и тут же выбросить из головы - вот что меня потрясает. Тут, по крайней мере, потрясающее... - Она вдруг оборвала себя. Лейну явно не сиделось на месте, а это его выражение

главным образом высоко поднятые брови - Фрэнни знала слишком хорошо.

- В чем дело? - спросила она.

- И ты на самом деле веришь во всю эту штуку, или как?

Фрэнни взяла пачку, вынула сигарету.

- Я не говорила, верю я или нет, я сказала - это меня потрясло. - Лейн дал ей прикурить. - Просто мне кажется, что это невероятное совпадение, очень странное, - сказала она, затянувшись, - везде тебе дают одно и то же наставление, понимаешь, все эти по-настоящему мудрые и абсолютно настоящие религиозные учителя упорно настаивают: если непрерывно повторять имя божье, то с тобой что-то произойдет. Даже в Индии - в Индии тебя учат медитации, сосредоточению на слове "ом", что, в сущности, одно и то же, и результат будет такой же самый. И я только хочу сказать - нельзя просто рассудком все это отвергнуть, даже не...

- Ты про какой результат? - отрывисто бросил Лейн.

- Что?

- Я спрашиваю, какого именно результата ты ждешь. От всей этой синхронизации, этого мумбо-юмбо? Инфаркта? Не знаю, сознаешь ли ты, но и ты, и вообще каждый может себе наделать столько вреда, что...

- Нет, ты увидишь Бога. Что-то происходит в какой-то совершенно нефизической части

сердца - там, где, по учению индусов, поселяется Атман, если ты верующий, - и тебе является Бог, вот и все. - Она смутилась, сбросила пепел с сигареты мимо пепельницы. Пальцами она подобрала пепел и высыпала в пепельницу. - И не спрашивай меня, что есть Бог, кто он такой. Я даже не знаю, есть он или нет. Когда я была маленькая, я думала... - Она остановилась. Подошел официант - забрать тарелки, положить новое меню.

- Хочешь сладкого или кофе? - спросил Лейн.

- Нет, я просто допью молоко. А ты себе закажи, что хочешь, - сказала Фрэнни. Официант только что забрал ее тарелку с нетронутым сэндвичем. Она не посмела взглянуть на него.

Лейн посмотрел на часы:

- Черт! Времени в обрез. Счастье, если на матч не опоздаем. - Он посмотрел на официанта. - Мне кофе, пожалуйста. - Он проводил официанта глазами, потом наклонился вперед, положив локти на стол, вполне довольный, сытый, в ожидании кофе. - Что ж... Во всяком случае, очень занятно. Вся эта штука...

Но, по-моему, ты совершенно не оставляешь места для самой элементарной психологии. Видишь ли, я считаю, что у всех этих религиозных переживаний чрезвычайно определенная психологическая подоплека - ты меня понимаешь... Но все это очень интересно. Конечно, нельзя так, сразу, все отрицать. - Он посмотрел на Фрэнни и вдруг улыбнулся ей: - Ладно. Кстати, если я тебе забыл сказать... Я тебя люблю. Говорил или нет?

- Лейн, прости, я на минуту выйду! - сказала Фрэнни и уже поднялась с места.

Лейн тоже встал, не сводя с нее глаз.

- Что с тобой? - спросил он. - Тебе опять плохо, да?

- Как-то не по себе. Сейчас вернусь.

Она быстро прошла по залу, направляясь туда же, куда и раньше. Но в конце зала, у маленького бара, она вдруг остановилась. Бармен, вытиравший стаканчик для шерри, взглянул на нее. Она схватилась правой рукой за стойку, нагнула голову, низко склонилась и поднесла левую руку ко лбу, касаясь его кончиками пальцев. И, слегка покачнувшись, упала на пол в глубоком обмороке.

Прошло почти пять минут, прежде чем Фрэнни очнулась. Она лежала на диване в кабинете директора, и Лейн сидел около нее. Он наклонился над ней, его лицо необычно побледнело.

- Как ты себя чувствуешь? - спросил он тоном посетителя в больнице. Тебе лучше?

Фрэнни кивнула. Она на минуту закрыла глаза от резкого света плафона, потом снова открыла их. - Кажется, мне полагается спросить: "Где я?" Ну, где я?

Лейн засмеялся:

- Ты в кабинете директора. Они там все бегают, ищут для тебя нашатырный спирт, докторов, не знаю, чего еще. Кажется, у них нашатырь кончился. Нет, серьезно, как ты себя чувствуешь?

- Хорошо. Глупо, но хорошо. А я вправду упала в обморок?

- Да еще как. Прямо с катушек долой, - сказал Лейн. Он взял ее руку. А что с тобой, как ты думаешь? Ты была такая - ну, понимаешь, такая замечательная, когда мы говорили по телефону на прошлой неделе. Ты что - не успела сегодня позавтракать или как?

Фрэнни пожала плечами. Она обвела кабинет взглядом.

- До чего неловко, - сказала она. - Неужели пришлось меня нести сюда?

- Да, мы с барменом несли. Втащили тебя сюда. Напугала ты меня до чертиков. Ей-богу, не вру.

Фрэнни задумчиво, не мигая, смотрела в потолок, пока он держал ее руку. Потом повернулась и подняла свободную руку, как будто хотела отвернуть рукав Лейна и взглянуть на его часы. - Который час? - спросила она.

- Не важно, - сказал Лейн'. - Нам спешить некуда.

- Но ты хотел пойти на вечеринку.

- А черт с ней!

- И на матч мы тоже опоздали? - спросила Фрэнни.

- Слушай, я же сказал, черт с ним со всем. Сейчас ты должна пойти в свою комнату - в этих, как их там, Голубых Ставеньках - и отдохнуть как следует, это самое главное, - сказал Лейн. Он подсел к ней поближе, наклонился и быстро поцеловал. Потом обернулся, посмотрел на дверь и снова наклонился к Фр-

энни. - Будешь отдыхать до вечера. Отдыхать - и все. - Он погладил ее руку. - А потом, попозже, когда ты хорошенько отдохнешь, я, может быть, проберусь к тебе, наверх. Черт его знает, как будто там есть черный ход. Я разведаяю.

Фрэнни промолчала. Она все еще смотрела в потолок.

- Знаешь, как давно мы не виделись? - сказал Лейн. - Когда это мы встретились, в ту пятницу? Черт знает когда - в начале того месяца. - Он покачал головой: - Не годится так. Слишком большой перерыв от рюмки до рюмки, грубо говоря. - Он пристальнее взгляделся в лицо Фрэнни. - Тебе и вправду лучше?

Она кивнула. Потом повернулась к нему лицом.

- Ужасно пить хочется, и все. Как, по-твоему, можно мне достать стакан воды? Не трудно?

- Конечно, нет, чушь какая! Слушай, а что, если я оставлю тебя на минутку? Знаешь, что я сейчас сделаю? Фрэнни отрицательно помотала головой.

- Пришлю кого-нибудь сюда с водой. Потом

найду главного, скажу, что наштабля не надо, и, кстати, заплачу по счету. Потом пригоню сюда такси, чтобы не бегать за ним. Придется немного обождать, все машины, наверно, везут народ на матч. - Он выпустил руку Фрэнни и встал. - Хорошо? - спросил он.

- Очень хорошо.

- Ладно. Скоро вернусь. Не вставай! - И он вышел из комнаты.

Оставшись в одиночестве, Фрэнни лежала не двигаясь, все еще глядя в потолок. Губы у нее беззвучно зашевелились, безостановочно складывая слова.

Сноски

1 - Точное слово (фр.).

2 - Речь идет об особом направлении буддизма, по которому один из будд, Амитабха, выступает в роли вселенского спасителя. (Примеч. пер.)